

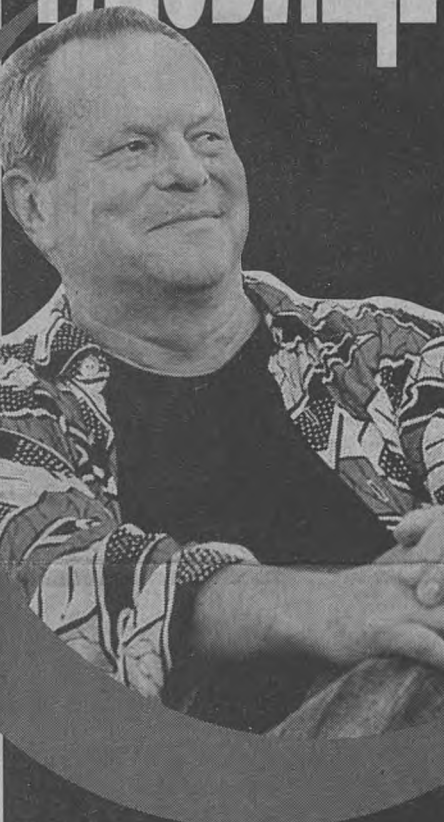
КИНО

Гиллиам превратил Белуччи в старуху.

Три фильма Терри Гиллиама: "Бразилия", "12 обезьян" и "Страх и ненависть в Лас-Вегасе" — принесли ему мировую славу, имидж чудака и фантазера, а в кинематографических кругах — режиссера, от которого начнется несварение у любого продюсера. Да он и сам всегда — еще со времен "Летающего цирка Монти Пайтона" — избегал звездной шумихи и больших бюджетов. Роберта Де Ниро в "Бразилии", Брюса Уиллиса в "12 обезьянах" и Джонни Деппа в "Страхе и ненависти в Лас-Вегасе" он учил играть по своим правилам. Сегодня его последний фильм "Братья Гримм" выходит в московский прокат.

СКАЗОЧНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Терри ГИЛЛИАМ: "Я был счастлив, только когда рисовал мультфильмы"

"Братья Гримм" с бюджетом 80 миллионов долларов, дорогими спецэффектами и звездами Хитом Леджером, Моникой Белуччи и Мэттом Дэймоном — проект для Гиллиама совершенно нехарактерный. Вероятно, именно поэтому "Братья Гримм" не завоевали высших оценок критики на Венецианском кинофестивале, где картина участвовала в конкурсе. Со смехом — а Гиллиам хохочет без остановки — он рассказал о "Братьях Гримм", "Монти Пайтоне" и правилах игры на большом голливудском поле накануне московской премьеры фильма в эксклюзивном интервью "МК".

— Вы не в первый раз в Венеции, вы представляли здесь "12 обезьян". Чувствуете себя всегда там?

— Да нет. У меня вообще очень странные ощущения. На "Братьев Гримм" я потратил несколько лет: мы начали в 2002 году, и в какой-то момент у меня было ощущение, что я его никогда не закончу. Были проблемы со студией, с монтажом, со спецэффектами. Но сейчас вижу, что сотни людей обсуждают мой фильм. Такая слава мне нравится.

— В "Братьях Гримм" вы приглашенный режиссер. Каковы ваши ощущения?

— Любопытство мое виновато. Оно меня заставило почитать сценарий, который мне предложил продюсер Чарльз Ровен, оно же заставило заняться фильмом. Первоначальный вариант сценария мне категорически не понравился. Он был таким, знаете, по-голливудски милым. И в результате получилась совершенно дикая история: в старой Германии живут две смазливые американские задницы. Но мне очень понравилось то, как история начинается, и пара совершенно волшебных моментов по ходу повествования. Переделывать сценарий мы начали с художником Тони Гризано, моим старинным приятелем, с которым я работал на многих фильмах. Начало было положено костюмами. Мы придумывали, как будут выглядеть наши герои, как они будут одеты, и лишь потом придумывали для них ту или иную ситуацию. Мне кажется, что это будущее кинематографа, когда работа над фильмом начинается с костюмов, а не со сценария.

Я вырос на сказках братьев Гримм. А когда начал снимать фильм, понял, что так до сих пор и не повзрослел. И благодаря им я верю в хеппи-энд — а ведь в жизни такого не бывает. Это был шанс превратить тот мир, в котором я живу и который меня не очень устраивает, в мир, который мне близок и интересен. Мне сейчас кажется, что "Братья Гримм" — самый мой добрый фильм. Но мы ведь не думаем, что так все и было на самом деле. Кто его знает, может, братья Гримм — Вильгельм и Якоб — были занудами. А может, и правда, были шарлатанами. Последнее мне нравится больше.

— Те несколько лет, что снимали "Братьев Гримм", ходили слухи, что фильм не состоится, что вас отстранили, рассказывали всякие дикие вещи.

— Все правда. Все, что говорят, — правда. "Братья Гримм" стоили продюсерам 80 миллио-

нов — это та сумма, которая нервирует всех без исключения. Большой фильм — большой бой. Многомиллионный голливудский проект напоминает огромный неповоротливый океанский лайнер. И был момент, когда мы действительно разошлись. Казалось, окончательно — на полгода почти. За это время мы поостыли, я снял малобюджетный фильм "Tideland" — о маленькой девочке, которая попадает в странную историю и выбирается из нее силой своей фантазии, воображения. В этом фильме нет спецэффектов — только моя интуиция, и все.

— Думаете, то, что вы оказались в Венеции, для вас счастливый шанс вновь заявить о себе?

— Шанс поесть хорошей еды, да! Если серьезно, для меня фестиваль — возможность оказаться в красивом месте, встретить людей, с которыми можно поговорить о кино. А конкурс — не конкурс — какая, к черту, разница! Это смешно: как определить, какой фильм лучше?

— Ну а как же сборы? Продюсеры ведь хотят заработать...

— Меня это не волнует, я просто делаю фильм. Счастье для продюсеров, если все так совпадет, что картина сможет заработать денег. Для меня счастье — если у фильма будут зрители. Этот самый маркетинг — ужасная вещь: фильм плохо рекламируется, берется одна идея и раскручивается. Даже самый интересный фильм можно превратить в одноклеточное существо. Сбор — ничто. Важно, как фильм будут покупать потом на DVD. Если долго — настоящие признание. Именно благодаря DVD картина достигает своей аудитории.

— И все же вам в последние годы не везет: проекты останавливаются, долго снимаются...

— О, у меня просто депрессия развилась по этому поводу. У меня депрессия, когда я начинаю фильм, депрессия, когда его снимаю, и депрессия, когда его выпускаю. Когда все эти бои с "Братьями Гримм" закончились, я был в депрессии.

— ...и когда не работаете, у вас тоже депрессия...

— У меня масса проектов. Некоторые можно снять за маленькие деньги, а для некоторых нужен большой бюджет, чтобы воплотить все мои идеи. Поэтому у меня всегда есть работа и если бы я снимал только малобюджетные фильмы, я бы работал нон-стоп. К сожалению, меня иногда посещают такие идеи, на которые нужно несколько миллионов долларов. Они нестандартные, непривычные для современного кинобизнеса, и студийные боссы чувствуют себя не в своей тарелке.

Например, у меня был проект с Джонни Деппом и Робинот Уильямсом. Он стоил 60 миллионов долларов. Так вот, мы в Европе нашли 45, и не хватало 15, которые мы хотели найти в Америке. И не смогли, даже под такие имена, как Джонни Депп и Робин Уильямс. Ну хорошо, карьера Уильямса сейчас на спаде, но Депп — звезда! Совершенно идиотская система! Они лучше будут снимать двадцать пять "Пиратов Карибского моря" с бюджетом под 200 миллионов! Все так устроено, что я завишу от звезд, но от звезд раскрученных, как Мэтт Дэймон и Хит Леджер. Идиотизм!

— А Монике Белуччи вам навязали продюсера?

— Скорее обоюдно. Я понимал, что бороться со студией бесполезно, и был согласен, чтобы на роль ведьмы пригласили звезду. Если бы не чертов гигантский бюджет, фильм мог бы получиться совсем другим — с другими актерами, с другой энергией, более страшным, опасным, чувственным. Большие звезды — своеобразная страховка студиям. Конечно, имя Леджера не гарантирует фильму успеха, но вселяет в продюсеров надежду и привлекает зрителей. И заодно заставляет трястись от страха над потраченными деньгами.

Знаете, Голливуд сейчас напоминает академическую живопись XIX века. Огромные полотна, огромные батальные сцены, совершенные с технической точки зрения, но абсолютно пустые. Ты смотришь и думаешь: "Ну и что?" Есть много фильмов, снятых при помощи сумасшедшей техники, какими-то летающими камерами, — ну чистое барокко. Но пустые. А студиям нравится такой стиль.

— Можно сказать, что персонажи ваших фильмов — ваш собирательный образ?

— Да, это мир, который я вижу своими глазами, а не вашими. Конечно, они все несут в себе черты моего характера. Но с другой стороны, над каждым фильмом работает группа людей. Поэтому не стоит обольщаться и думать, что я вот такой доктор Гонзо, или шарлатан Вильгельм Гримм, или романтик Якоб Гримм. Я — все вместе.

— Иногда возникает такое ощущение, что вам просто необходимы проблемы, чтобы сделать хороший фильм.

— Ну, не знаю. У меня всегда проблемы, а снял ли я свой лучший фильм, сказать не могу. Надеюсь, что таким станет "Tideland".

— Ведь вы наверняка снимаете продюсерам в кошмарах...

— А мне что до этого? В любом случае это хорошо для моей репутации.

— Вы сняли фильм о немецких сказочниках. Как сами немцы отнеслись к "Братьям Гримм"?

— Дистрибьюторам он понравился. Но ведь новые немцы, люди немногим моложе меня, стесняются признаваться, что они немцы. После войны они были воспитаны с чувством вины, они не помнят ни о своей великой литературе, ни о музыке. Но ведь каждая нация должна растить своих детей в гордости за собственную страну. Так что мой фильм, где действие происходит в XIX веке — времени великой поэзии, музыки, литературы, — мой личный способ изменить мир и положение вещей.

— У вас нет ностальгии по временам "Монти Пайтона"?

— Ну, немного. Самыми счастливыми временами для меня были те, когда я рисовал мультфильмы. Только я и лист бумаги, и никого больше вокруг.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

ЧАРЛЬЗ РОВЕН, продюсер "Братьев Гримм"

— Правда, что работать с Гиллиамом — кошмар?

— Могу сказать точно, что Терри — очень сложный, необычный режиссер. Мы работали и на "12 обезьянах", они были для нас удачным проектом — творчество и бизнес там соединились. Фильм стал выдающимся произведением и сделал неплохие сборы. На "Братьях Гримм" студия позволила Терри полностью переписать сценарий, и это правильно. Проблемы возникли позже, когда Терри показал свой монтаж. Был момент, который не удовлетворил обе стороны: спецэффекты. Мы решили сделать небольшой перерыв, чтобы остыть. А потом Терри вернулся и сделал новый монтаж фильма, который удовлетворил всех.

— Но Гиллиам говорил, что у него были серьезные проблемы со студией...

— Вы смеетесь люди! Вы слышите пару слов и цепляетесь за них. Вы же знаете, что Вайнштейны спорили со Скорцезе, когда он выпускал "Банды Нью-Йорка", но главное, что фильм получился прекрасный. Та же история произошла и с Гиллиамом.

Мария ДАВТЯН.